

на каждом этапе выявлены механизмы преобразований. Исследование М.Л. Гринберга существенно обогащает наши представления о лингвогенезе одного из самых диалектно расчлененных южнославянских языков. Работа выходит за рамки собственно словенской проблематики. Механизм многих преобразований был заложен еще в системе праславянского

языка, в работе прослеживается многоступенчатая, градуированная реализация тенденций, восходящих к праславянской эпохе. Своими идеями книга способствует более детальной, более углубленной разработке проблем праславянской фонологии.

Л.В. Куркина

Ю. Л. Мосенкіс. Мова трипільської культури. Джерела. Методи. Результати реконструкції. Київ: НДІТІАМ, 2001. 163 с.

Современная диахронная лингвистика в значительной степени основывается на солидном количестве работ, посвященных изучению реликтовых (мертвых) языков. За последние сто лет в этой области сделано многое, однако существует еще множество вопросов, которые требуют отдельного внимания. Поэтому любая попытка освещения проблем структуры, ареала древних языков заслуживает внимания и оценки независимо от результатов исследования.

Автор рецензируемой книги поставил цель реконструировать "язык" носителей трипольской культуры, изучить ее связи с культурами и языками народов Кавказа и Европы, выделить "трипольский субстрат" в украинском языке. Монография состоит из трех разделов, введения, основных выводов, списков использованной литературы (840 позиций), источников (40 позиций). В первых двух разделах автором реферирована литература по вопросам археологии и лингвистики, которая знакомит читателей с основными достижениями мировой науки в области дешифровки письменности исчезнувших языков, конспектируются некоторые положения теории субстрата, сформулированные в работах отечественных и зарубежных специалистов. Тут же освещается история вопроса толкования мифа, предлагается метод этимологической интерпретации искусства. Третий раздел посвящен реконструкции фрагментов языка трипольской культуры. Рассматриваемая работа является подробным библиографическим справочником по вопросам лингвистики, археологии, этнографии, семиотики, поскольку содержит описание важнейших достижений этих наук.

Оригинальная часть работы Ю.Л. Мосенкіса имеет главный серьезный недостаток: сформулированные в ней положения трипольского субстрата украинского языка ни в какой степени не подкреплены приводимым автором материалом. Остановимся на конкретных примерах.

Фактической базой, на которую опирается автор, обосновывая свою точку зрения, является украинская ономастика, которую он считает трипольской на основании того, что в других уголках Европы и даже Кавказа, где засвидетельствованы следы близких к трипольской археологических культур, функционируют онимы, которые, на первый взгляд, отдаленно напоминают украинские. Однако изучение этого типа лексики требует применения принципов относительной хронологии, метода внутренней и внешней реконструкции, чего нет в книге, иначе бы автор не сравнивал гидроним *Хорол* с *Q'orolis-cq'ali* 'хорольская вода' – речка в Аджарии (с. 64), игнорируя фонетически первоначальный вариант этого названия *Korol* [ЕСЛГНПР 1985: 71]. Гидроним *Хорол* демонстрирует обычную и достаточно древнюю для восточнославянского ареала субституцию анлаутного *k- > x-*, ср., например, еще укр. диал. *корошати* 'хорошать, кастрировать' [Верхратский 1899: 228] и *хорошати* 'кастрировать' (фиксируется на территории Компанеевского района Кировоградской области. – *Запись наша*), распространенное в нижнеподнепровских говорах. Базовое *Korol* – гидроним праславянского уровня, сформированный в рамках этимологического гнезда с основой **kor-l-* 'крутить, гнуть; резать' (праслав. **korlъ* – 'речка с извилистой береговой полосой, извилистый водный объект'), всесторонне и исчерпывающе исследованного в работах Р.М. Козловой [Козлова 1986: 93; 1997: 277–286]. Это касается и гидронимов *Скаронинка* и *Скоропинка*, которые продолжают праслав. **skorn-/skor-p-* (варианты с *s-mobile* и *n-* и *p-* детерминативами), то есть **skornina* и **skorpina* (через стадию деминутивов к укр. диал. *скорпина* 'крутой берег' [ОАИУЯ], **скорпина*), и которые Ю.Л. Мосенкіс без каких-либо комментариев соотносит с гипотетичным занским **c'q'or-* 'вода' (с. 63). Подобное невозможно как с точки зрения фонетического

оформления украинских слов, так и с учетом морфемной структуры *c'q'or-, которое к тому же реально не зафиксировано.

В работе полностью нарушена процедура этимологического анализа собственных имен, который предполагает сначала соотношение их с апеллятивами-мотиваторами, и только в случае, когда их не находят в языке, в котором функционирует они или в родственных языках, примерно искать подобные структуры в отдаленно родственных или неродственных языках. Так, Ю.Л. Мосенкис гидроним *Уманка* вводит в категорию "украинско-балканско-пиренейских параллелей" (подобные "параллели" сами по себе сомнительны уже потому, что выводятся на основе произвольных, собранных от случая к случаю фактов разных языков и хронологических уровней), сравнивая с формально несовместимыми греческим *Минией*, гидронимом *Миний* на Пиренейском полуострове (с. 61), хотя логично было бы определить производящее для *Уманка* слово – контактный ойконим *Умань*, мотивированный географическим термином типа укр. диал. *у́мань* 'большой участок поля' [Онишкевич 1984, II: 317]. Так же гидроним *Згар* автор связывает с груз. *cq'aro* 'источник', безосновательно отрицая постулированную А.С. Стрижаком [Стрижак 1963: 85–86] и Л.Т. Масенко [Масенко 1979: 43] связь с *goritu* 'гореть' (Ю.Л. Мосенкис вообще игнорирует весь спектр ономастической мотивации, кроме "водной") (с. 63), не упоминая даже укр. диал. *згарь* 'склон горы; пригоревшая, сожженная трава' [Онишкевич 1984, I: 302] (речь может идти о гидрообъекте, смежном с участком, на котором выгорела растительность) и др.

Автор не ориентируется в славянском словообразовании. Например, регулярное причастие на *-l* **merlъ*(ь) (< **merti* 'умирать', ср., например, русск. диал. *мёрлый* 'изнуренный (о животном)') [Элиасов 1980: 202]), отображенное в гидрониме *Мерло/Мерля* (в плане мотивации – эта параллель как так называемым *Мертвым* рекам, озерам, то есть непригодным к использованию, высохшим; ср. еще русск. *Мерлица* – речка в районе Пскова), Ю.Л. Мосенкисом беспараллельно сравнивается с груз. диал. *marasklavi* 'звезда', пралезг. **марльв* 'дождь' (с. 77); онимизированное причастие **pripeгъ* (> **Pripeгъ*, оформленное как *i*-основа) от глагола **pripeгi* 'припять', сохраненное в украинском названии реки *Прип'ять* (версия В.П. Шульгача), безосновательно квалифицируется среди "украинско-средиземноморских параллелей", так же, как и (непонятно, по каким показателям) краткое прилагатель-

ное на *-ьп-* **poсajьna*/**Росajьна* ~ **poсajati* 'ждать, подстерегать' (версия О.Н. Трубачева), законсервированное в *Почайна* – название реки в бассейне Днепра (с. 62). Дериват на *-ипъ-* **perипъ* 'тот, кто бьет, поражает' (от **perti*, **pъrъ* 'бить'), отраженный в теониме *Перун* [Трубачев 1991: 180], автор считает доиндоевропейским и сравнивает с названием *Пиренеи*, а также с укр. *Ірпінь* (с. 95). К подобным казусам относится и выделение автором суффикса *-l-* в праслав. **krě slo* вследствие сопоставления его с аккадским *kursu* (с. 121) при полном отсутствии объяснений фонетико-словообразовательной стороны этих этимологически несовместимых слов. В специальной, не упомянутой автором литературе, **krě slo* толкуется как производное с формантом *-slo* от основы **kre-/*krē-*, вариантной к **kro-* в **kro-sno* [ЭССЯ 1986, XII: 129].

Абсурдным является выделение Ю.Л. Мосенкисом суффикса *-os-* в слове *голос* 'голос' (с. 124): оно принадлежит к категории лексем, построенных по формуле *tolit*, то есть восходит к праслав. **golsъ* (ср. ст.-сл. *гласъ*, пол. *głos* 'голос') [ЭССЯ 1979, VI: 219]. Необходимый минимум сведений относительно фонетического развития слов подобной структуры дает вузовский курс "Введение в славянскую филологию", учебники по исторической грамматике славянских, и в частности украинского языка.

Ю.Л. Мосенкис необоснованно отрицает или вообще не упоминает профессиональные, научно взвешенные этимологии, построенные на солидном материале, подставляя взамен совокупности фонетически (а значит, и генетически) несовместимых слов и обходя ключевой для этимологии принцип звуковых соответствий. Например, название реки *Буг* автор считает параллелью к индоевропейскому слову *pagal/pegel/byge* 'источник' (существование такой структуры в общеиндоевропейском вообще невозможно с фонетико-грамматической точки зрения), добавляя при этом, что в этот круг названий входят и гидронимы типа *Пуцавка*, *Бушинка*, *Поха* (с. 57). Наконец, он предлагает учитывать при анализе подобных слов еще "праавстронезийское" **buk'u(l)* 'течь', груз. *Богила* – название речки (с. 58). Но автор путает разные гидрообъекты – *Південний (Южный) Буг*, который действительно упоминается в форме *Вох* в средневековых памятниках (XV в.) и имеет иранское происхождение, и *Західний (Западный) Буг* < праслав. **Vugъ* (эта версия, сформулированная В.П. Шульгачем, не фигурирует в книге Ю.Л. Мосенкиса, что удивительно: он неоднократно ссылается на монографию В.П. Шульгача) < и.-е. **buig-* 'согнутый', ср. среди его

рефлексов: лтш. *bauga* 'топкое место возле речки; кругая дорога', русск. диал. *буга* 'речные берега, поросшие верболозом и другими кустами', болг. диал. *буга* 'мочар, млака' и др. Реконструкция первоначальной семантики **Bugъ* 'согнутый' гарантируется латинским названием *Западного Буза* – *Armilla* (XII в.) < *armilla* 'браслет' [Шульгач 1998: 51]. Гидроним Ингул, который демонстрирует тюркскую фонетическую адаптацию праслав. **ogъlъ* 'угол' (подробный обзор всех версий относительно происхождения названия *Ингул* с принятием его славянского генезиса см. [Лучик 1996: 132–135]), почему-то при полном игнорировании других версий относительно этимологизации этого названия в книге сравнивается с *Inguri/Enguri* (речка в Грузии) и объясняется на основе чередования суффиксов *-ur/-ul-* в грузинском языке (с. 64), при том, что грузинское название с *-ul-* не упоминается, в чем проявляется нарушение автором собственной логики.

Оним *Русь* у Ю.Л. Мосенкиса фигурирует как следствие упрощения названия этрусков с корнем *turs* (с. 47). Такую версию можно квалифицировать только как пример кабинетной народной этимологии: автор не знает специальных исследований, посвященных толкованию слова *Русь* (иран. **ru(s)sa* 'светлый, белый') [Трубачев 1993: 36], в которых устанавливается его иранское происхождение. Антропоним *Кий* автор сравнивает с абхазо-абазинским *а-хь, а-хьы* и т.п. – княжеский титул (с. 89), не упоминая при этом об основной, построенной на исчерпывающем материале, версии О.Н. Трубачева, отображенной еще в ЭССЯ [ЭССЯ 1987, XIII: 256–258], согласно которой это имя – онимизированный апеллятив **куъ* 'кий, палка' (с закономерным *у* < *ъ* перед *ј*, то есть **кѣъј*). О.Н. Трубачев приводит карту, демонстрирующую весь ареал ойконимов типа **Куъевъ*, который охватывает практически все славянские земли, за исключением Словении. Территория Украины – всего лишь периферия функционирования этого названия. Анализируя этот антропоним, Ю.Л. Мосенкис допускает основную методологическую ошибку, исходя не из его структурных (фонетических, словообразовательных) характеристик, ареала, а из социального статуса человека (лингвистический подход, логичный при этимологическом анализе, подменяется нелингвистическим), которого он обозначал, переключая внимание на другие, структурно неадекватные княжеские титулы. Однако не следует забывать, что социальная маркированность слова (закрепленность его как названия должности или титула) всегда вторич-

на по отношению к генетической конкретной семантике, что и было другими словами отмечено О.Н. Трубачевым, охарактеризовавшим **Куъ* как первоначально додинастический, не княжеский [Трубачев 1991: 136]. Все это необходимо учитывать: этимологизация лексикки – кропотливая и длительная работа с многочисленным сложным материалом этимологических гнезд и фонетических формул, которая не терпит жонглирования просто похожими словами и произвольных сопоставлений даже под прикрытием выхода на "доиндоевропейский" уровень, где появляется пространство для фантазий автора.

Очень часто Ю.Л. Мосенкис неточно или извращенно подает информацию, содержащуюся в использованных им источниках. Так, он приписывает В.П. Шульгачу тезис Е.М. Катоновой [Катонova 1981: 180–181] о сомнительности "свиной" мотивации названий славянских рек типа *Свинка* (с. 75). Кроме того, он замалчивает основательные славянские данные, на базе которых В.П. Шульгачем этимологизируется гидроним *Свинь*, и приведенные им аргументы (приставочные варианты от **vingiti* 'вить, извиваться'). Без какой-либо аргументации своей точки зрения Ю.Л. Мосенкис постулирует как более вероятное "субстратное" происхождение этого названия (с. 75). Автор книги позволяет себе нарушение этики научного диалога. Отрицая, например, тезис академика О.Н. Трубачева о невозможности языковой и культурной связи между славянами и этрусками, Ю.Л. Мосенкис не противопоставляет ему своих надежных контраргументов, считая достаточным сравнение праслав. **ковьсь*, русск. *филин/хилин* с этрусскими "соответствиями" *carus* 'сокол', *hiuls* 'сова' (с. 46–47), чтобы просто отмахнуться от всей практики реконструкции праславянского языка, которая, насколько позволяет судить его лексический состав, отображенный в 28 выпусках "Этимологического словаря славянских языков" и 7 "Słownika prasłowiańskiego", не знает этрусских параллелей. Сравнения, приведенные в книге, представляются невозможными, учитывая фонетику сопоставляемых слов: праслав. *b* в **ковьсь* не может быть соответствием этрусск. *p*, так же, как суффикс *-ьс-*, сформированный как таковой собственнo в праславянском языке, не может соответствовать этрусскому сегменту *-us* (*carus* вообще может члениться иначе). Аналогичная ситуация с этрусск. *hiuls*, корневой вокализм которого не имеет ничего общего с русск. *и* в *филин/хилин* (до сих пор не определено, какая из форм является первоначальной), не говоря уже о разном генезисе эт-

русск. *h-* и русск. *ф-/х-* (вообще, автору не мешало бы ознакомиться с литературой о происхождении славянских *x-* и *i* (русск. *и*), перед которым *x* не претерпевает качественных изменений). Кроме всего сказанного, сравнение русских слов непосредственно с этрусскими методологично ошибочно: сопоставлять можно только материал языков приблизительно одного хронологического среза, то есть праславянского и этрусского. Так же заранее обречена на провал попытка Ю.Л. Мосенкиса объяснить "милозвучные" чередования в предлогах-приставках типа *в-/у-/ув-/уви-, з-/из-* и т. д. как доиндоевропейский (трипольский) субстрат (с. 130–131). Это – поздние (что засвидетельствовано памятниками) фонетические преобразования первоначальных предлогов-приставок **vь-, *jьz-, *zь-* и др. в украинском языке, искусственно введенные в литературный язык на правах эвфонических чередований академическими структурами с целью упорядочения правописания.

Автор рецензированной книги с легкостью говорит о морфологии доиндоевропейского субстрата, вообще злоупотребляя термином "доиндоевропейский" и используя его по собственному усмотрению, как только хочет что-нибудь вписать в свою систему взглядов, хотя до сих пор окончательно и однозначно не реконструирован грамматический строй собственно общиндоевропейских диалектов. Поэтому причины того, что Ю.Л. Мосенкис квалифицирует без надлежащей аргументации как доиндоевропейское, следует искать в исторической грамматике именно индоевропейских языков, с которой он, судя по содержанию книги, не знаком. Прибегая к реферированию литературы, посвященной теории субстрата (доиндоевропейского, кельтского), Ю.Л. Мосенкис далеко отходит от проблематики трипольской культуры и вдруг, без логичной привязки к контексту, делает вывод: "видим, что время налаживания трипольско-западноевропейских контактов совпадает со временем выделения славянских языков из других индоевропейских" (с. 29). Непонятно, на какие доказательства опирается автор, говоря о выделении славянских языков из других индоевропейских, ведь праславянский был совокупностью самобытных диалектов в границах общиндоевропейского языкового континуума, так же, как и прагерманский или прабалтийский (см. работы Г.А. Ильинского, А. Мейе, О.Н. Трубачева, Х. Шустера-Шевца и др.).

В книге делается ничем не подтвержденный вывод об индоевропеизации языка трипольской культуры (III–II тыс. до н. э.),

вследствие чего образовался праславянский язык (с. 29). Подобное утверждение требует опровержения всех достижений палеославистики на колоссальном фактическом материале, чего, конечно, не наблюдается в рецензированной работе. Это принципиальное нарушение логики исследования: во-первых, автору так и не удалось ничего сказать о так называемом языке трипольской культуры; чтобы доказать факт его индоевропеизации; во-вторых, он, к сожалению, просто не знает истории и основных, уже аксиоматичных среди специалистов, результатов разработки палеославистики, индоевропеистики, то есть теории диалектного членения праславянского языка и общиндоевропейского, вопроса локализации прародины славян (по О.Н. Трубачеву) на Среднем Дунае (не на Украине, возле трипольцев!) и др.

Ограниченный объем рецензии не позволяет нам остановиться на деталях книги Ю.Л. Мосенкиса, однако сформулированные в ее заключении положения относительно трипольского субстрата в украинском языке, новой "версии" происхождения праславянского языка вследствие индоевропеизации трипольцев, как показывают изложенные выше аргументы, ничем не обоснованы, более того – искусственны, как искусственна и сама "проблематика" книги. Не последнюю роль в провале всех начинаний автора сыграло игнорирование им одной простой истины, высказанной еще Ф.П. Филиным: не следует отождествлять лингвистическую культуру с археологической, на территории которой первая функционирует. Для доказательства же своей точки зрения Ю.Л. Мосенкис не предложил ни материала, ни методики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Верхратский 1899 – *І. Верхратський*. Знадоба для пізнання угро-руських говорів. Словарець // Записки Наукового товариства імені Шевченка. Львів, 1899. Т. XXX.
- ЕСЛГНПР 1985 – Етимологічний словник літописних географічних назв Південної Русі. Київ, 1985.
- Катонова 1981 – *Е.М. Катонова*. Данные гидронимии о балто-славянских контактах на севере Белоруссии // Балто-славянские исследования. 1980. М., 1981.
- Козлова 1986 – *Р.М. Козлова*. Реконструкция и этимологизация праславянской лексики и проблема структуры праславянского слова // Этимология. 1984. М., 1986.
- Козлова 1997 – *Р.М. Козлова*. Структура праславянского слова (праславянское слово в генетическом гнезде). Гомель, 1997.

Лучик 1996 – В.В. Лучик. Автохтонні гідроніми Середнього Дніпро-Бузького межиріччя. Кіровоград, 1996.
 Масенко 1979 – Л.Т. Масенко. Гідронімія Східного Поділля. Київ, 1979.
 ОАИУЯ – Ономастический архив Института украинского языка НАН Украины.
 Онишкевич 1984 – М.И. Онишкевич. Словник бойківських говірок. Київ, 1984. Ч. 1–II.
 Стрижак 1963 – О.С. Стрижак. Назви річок Полтавщини. Київ, 1963.
 Трубачев 1991 – О.Н. Трубачев. Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. М., 1991.

Трубачев 1993 – О.Н. Трубачев. К истокам Руси (наблюдения лингвиста). М., 1993.
 Шулгач 1998 – В.П. Шулгач. Праслов'янський гідронімний фонд (фрагмент реконструкції). Київ, 1998.
 Элиасов 1980 – Л.Е. Элиасов. Словарь русских говоров Забайкалья. М., 1980.
 ЭССЯ 1979, 1986, 1987 – Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд / Под ред. О.Н. Трубачева. М., 1979, 1986, 1987. Вып. 6, 12, 13.

А.И. Илиади